

Долгое ожидание вердикта

Михаил Маяцкий

Научный сотрудник, гуманитарный факультет, Лозаннский университет.

Адрес: Universit  de Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland.

E-mail: mmaiatsky@gmail.com.

Ключевые слова: спор о Хайдеггере; онтологизм; гносеологизм; нацизм; антисемитизм.

Автор статьи вносит в дискуссию о «Черных тетрадах» личную ноту: он перечисляет то, чем обязан Хайдеггеру, чтобы затем рассмотреть, какую тень бросили нацизм и антисемитизм на этот «долг».

(1) Хайдеггер радикально обновил философский словарь. (2) Согласно ему, философствовать можно только от себя (*Dasein*). (3) При этом необходимо отличать *Dasein* от «человека». (4) Начать с *Dasein* нужно, чтобы прийти к бытию и в нем быть (а не только его познавать). (5) Бытие же необходимо, чтобы не застрять в сущем, в какой-либо данности. (6) Хайдеггеру удалось тесно увязать свою философию с историей философии. Однако у каждой из этих черт есть своя «осечка». (1') Хайдеггер избегает латинского вокабуляра как носителя нововременной «порчи». (2') Обожествление собственного *Dasein* привело Хайдеггера к отказу признать ошибочность своих прежних взглядов (и в конечном итоге признать очевидное). (3') Строго

отличая *Dasein* от «человека», он, однако, пытался отождествить его с «немцем», а (4') бытие — с немецким народом. (5') Критика некоторых сущих (расовая идея, нацизм) дается ему с ощутимым трудом. Наконец, (6') его историко-философская интрига сводится по сути к консервативному императиву «раньше было лучше».

Хайдеггер был однозначным и страстным приверженцем нацизма, его не устраивала только (временно) победившая реальность нацизма. Разочарование в нем привело его к сомнению в самом Бытии: если нацизм и вождь не оправдали его надежд, не было ли само Бытие изначально искаженным, отравленным «махинацией» (то есть в конечном итоге еврейями)? Автор статьи предполагает, что влияние Хайдеггера на будущее философии будет постепенно сходиться на нет, но его сельскую утопию будут еще долго ценить усталые от суеты и скорости горожане.

НИКАК об Хайдеггера?! А об кого же еще? Об него и об философию-и-власть. Опять и снова о них. Под силу ли кому-то, кроме Хайдеггера, вызвать такой скандал? Подобных *enfants terribles* немного, совсем немного. Десятки историков и философов снова пытаются вынести *окончательный* вердикт по поводу «случая Хайдеггера» — такой, который бы не могло пошатнуть никакое будущее откровение новых текстов и новых признаний. Что делать с Хайдеггером? И что делать с философией? И случайно ли два эти вопроса встают вместе и рядом друг с другом?

Нынешняя диспозиция сложилась давно, и «Черные тетради» лишь усугубили ее. Абсолютные защитники Хайдеггера стали еще абсолютнее, как и его ниспровергатели. Есть Вильгельм фон Херрманн и Франсуа Федеь, с одной стороны, и есть Эмманюэль Фай и группа его единомышленников — с другой. И есть плеяда философов, попадающих под огонь с двух сторон вослед великим ушедшим — Эммануэлю Левинасу, Жаку Деррида, — которые, *несмотря ни на что*, многого еще не зная, но многое подзревая, не могли присоединиться к беспощадно-однозначным хулителям. Под статью великим вошла в моду тенденция зачислять себя в лагерь умеренных, жалуясь на атаки с двух флангов (в такой позиции оказался и издатель «Черных тетрадей» Петер Травни).

Я не собираюсь, разумеется, выносить ни оправдательного, ни обвинительного вердикта и уж тем менее — окончательно, а ограничусь тем, что сформулирую, чем я обязан Хайдеггеру, а потом попытаюсь сказать, какой новый свет (или, скорее, какую тень) на этот «долг» бросает тот профиль Хайдеггера, что еще яснее проступил в «Черных тетрадах».

Итак, о чем я подумал благодаря ему, о чем подумал *им*? Я это сформулирую своими и «простыми» словами, заведомо отходя от хайдеггеровской лексики. Я знаю, что есть другие подходы. Есть толкователи, считающие, что особенно в случае таких «языкастых» философов не дозволено отходить от их слов. По-моему, из такого рабства ничего хорошего не выходит: от силы — ухудшенный клон типа фон Херрманна, а то и вовсе слова без тени

смысла. Еще одно предупреждение: тех, кто узнал что-то сходное (или «то же самое») от хороших, лучших, достойнейших, нежели Хайдеггер, мыслителей¹, я искренне поздравляю. Нет, ну правда, вам повезло: вам нашептали свое Альберт Швейцер, Шри Ауробиндо, Махатма Ганди, Сократ и мать Тереза. Мне — тоже что-то, но *это* я продумал или прочувствовал через Хайдеггера, уж простите.

Вообще кто от кого или благодаря кому что узнал или понял — тема богатая и не праздная. Чтобы она не увела нас слишком далеко, ограничусь лишь одним воспоминанием, кажется, 1988 года: нечто вроде расширенного заседания редакции «Вопросов философии», посвященного феноменологии (возможно, поводом послужило 50-летие со дня смерти Эдмунда Гуссерля). Меня туда привел Виктор Молчанов как аспиранта, писавшего диссертацию по феноменологии. Все проходило в атмосфере некоторой секты избранных, которая теперь, после многолетних гонений, робко щурясь на свет, выходит из подполья, выползает из-под глыб. Начали вяло, явно тормозя, потому что еще не появился Мераб Мамардашвили, главный гость. Он немного опоздал, сел в оставленное для него свободным кресло у входа, задымил трубкой. Говорили разные люди о разных сторонах феноменологии. Мамардашвили сидел спокойно, потом начал недоуменно, а затем все более злобно зыркать своими огромными, невероятными и незабываемыми глазами из-под высокого, переходящего в лысину лба. Наконец ему дали слово. И он сказал, что ко многому был готов, идя сюда, но чего не ожидал, так это что ему за битых полтора часа не скажут *ничего*, что он уже не знал бы от Маркса.

Ну вот.

Хайдеггер, как никто другой, показал, что философия должна не замыкаться в кругу доставшихся от традиции понятий и категорий, а создавать новые, черпая, подслушивая их у обыденного или поэтического языка либо подбирая на обочине философской или научной лексики. И дело не просто в необходимом регулярном обновлении или «творчестве», а в том, что, оперируя

1. Собственно, в этом состоит по-человечески симпатичная, но и несколько забавная сторона главного обличителя Хайдеггера в современных дебатах — Эмманюэля Файя. Ему бы хотелось, чтобы к тем же или сходным глубинам нас (а до этого — Ханну Арендт) приобщил *не* Хайдеггер, а какой-то более приличный человек, желательно член социал-демократической или, на худой конец, христианской партии, либерал, феминист и друг детворы.

только доставшимися понятиями, не вырвешься из определенного прежнего круга («метафизического») мышления. Все знают о *Dasein*, *Gestell*, *das Man*... Но таких понятий у Хайдеггера многие и многие десятки. Многие сопровождают его через десятилетия, другие он пробует разок-другой и больше к ним не возвращается. Там и сям он оговаривается (весьма трогательно для такого словообильного автора): как редко удастся высказать что-то верное, что дает хоть какой-то намек на суть! При этом он очень изобретателен и гибок в синтаксисе, что еще труднее передать в переводе, чем словотворчество и словопереосмысление. Обычно «поздно-рожденные» приписывают тезис о философии как изобретении понятий Делёзу. Пусть не забывают о немецком делёзианце, творившем на полвека раньше.

Хайдеггер считал, что философствовать можно только от себя. Это положение кажется банальным, но он провел его принципиально и методически. Тут речь не о самостоятельности мышления и прочих морально-романтических императивах и, конечно же, не об интроспективном самоизучении, необходимом для последующего перехода к прочим философским проблемам, а о том, что Хайдеггер ставит на *Dasein*, на само-это-вот-мое-бытие, через которое (и не через что иное) только и можно подобраться к Бытию (что бы это ни значило).

Куча перьев и копий была сломана по тому поводу, чтобы не дай господь не перевести *Dasein* как «человек». Однако Хайдеггер, когда ему надо, спокойно употребляет *Dasein* и *Mensch/Menschen* как синонимы. В немецком языке *Dasein* можно приписать любой вещи. Поэтому иногда Хайдеггер, так сказать, дидактически или, точнее, протрепетически напоминает слушателю и читателю о том, что имеет в виду не простое существование абы какой вещи, а собственно себя и тебя. Начинать с *Dasein* и означает именно начинать с себя, поскольку *Dasein* у-каждого-свой (буквально: у-каждого-мой, *je-meinig*).

Различать же *Dasein* и «человека» действительно требуется Хайдеггеру, чтобы обозначить, что «начинать с себя» и «начинать с человека в себе» — совсем разные вещи. «Человек», как и позже для Фуко, — это обозначение определенной конфигурации, которую современной системе знаний удобно считать человеком. Так вот, начинать нужно не с этой конфигурации. Он очень настойчиво относился ко всяким фиксациям «природы человека», к объявлению нынешнего человека человеком вообще, ко всякой *предикации* человека, ко всякому его описанию. Снаружи, по Хайдеггеру, можно описать только этологию человека, его как жи-

вотного. Эту извне наблюдаемую поверхностность он обозначает словами *Tierheit* и *brutalitas*, животность: описание человека извне, как если бы он представлял из себя какое-то животное, а не *Dasein*.

Начать с *Dasein* нужно, чтобы прийти к Бытию. Не *познать* бытие, а прийти к нему и в него, чтобы в нем *быть*. Идея, что бытие первичнее (ценнее) познания, очень древняя и вместе с тем, после столетий одержимости познанием, очень новая. Она особенно нова, особенно радикальна по сравнению с ближайшими предшественниками и современниками Хайдеггера, из которых он вышел и от которых освободился, — по сравнению с неокантианством и феноменологией с их почти пароксистичным гносеологизмом.

Наконец, главная его интуиция, собственно о бытии, имела совершенно явственную прагматику и даже этику: не принимать никакого наличное, в смысле не принимать автоматически, не вопрошенным. Метить нужно в бытие. Попадешь все равно в сущее, но если и метить будешь в сущее, то попадешь в «молоко» какой-нибудь лютой чепухи, да еще и залипнешь в ней. Отсюда свойственное ему (и от апофатики идущее) нарастание сарказма по мере нарастания «святости»: мораль, религия, культура, философия, образование, университет (особенно когда ректору Хайдеггеру не дали слить его с трудовым лагерем)... — все они заслужили его уничтожительно-язвительную критику.

Хайдеггеру удалось в степени, сопоставимой с гегелевской, увязать свою философию и историю философии, а это совсем не мало. В его масштабной фреске сменяют друг друга несокрытость истины бытия у досократиков, сократо-платоновское падение, римско-имперский извод греческой мысли, безнадежный декаданс Нового времени, завершение-исчерпание метафизики у Ницше, наконец, *incipit* его самого, тщетно растолковывающего пропащим современникам то, что подслушал у поэтов.

* * *

Конечно же, у большинства этих «тезисов» есть своя теневая сторона, свой «заскок», «пунктик», в котором мыслительно-речевой организм (чтобы *не* сказать: машина) Хайдеггера оборачивается своей адской, отвратительной или (часто одновременно) пошлой, смехотворной стороной. И тут «Черные тетради» (может быть, малоинформативные для дотошных знатоков его творчества) оказываются настоящим рентгеном. Его великолепное словотворчество позволило выявить неслыханные ресурсы немецкого язы-

ка и обновить философский лексикон, но ценой порой комичного отказа от латинского словаря. И дело здесь совсем не только в языке. Все его взаимное недоразумение с нацизмом имеет ту же природу: он почему-то решил, что нацизм будет великим возвращением от городской тщеты, от промышленности и торговли к (разумеется, вымышленной им) задумчивой аскезе деревенской жизни, и был страшно разочарован, когда понял, в какой гигантской мере нацизм был, в его терминах, «нововременным» (а значит, латино-англо-франко-американским).

Императив исходить из *своего Dasein* в конечном счете привел к (якобы) загадочному молчанию, выбранному Хайдеггером перед лицом преступлений, отрицать чудовищность которых было невозможно, совершенных режимом, на который он возложил несуразные упования. Поскольку *его* (а значит, единственный бывший в его распоряжении) *Dasein* прошел через католицизм и феноменологию, академическую стезю и ректорство, антисемитизм и консерватизм, через мечты о философском господстве (частично реализованные), через страстный и безраздельный ангажемент в национал-социализм, через брак с нацисткой и адюльтеры с еврейками, через Фридриха Гёльдерлина и других поэтов и *на этом пути* (при)открыл ему доступ к Бытию, то в этой траектории ведь был, должен был быть какой-то смысл, от которого ему было слишком легко и оскорбительно просто публично «отречься» во имя какой-то заведомо внешней по отношению к *Dasein* инстанции. Говорить об «ошибке», «неправильном понимании» можно было только с позиций гносеологических, а их-то Хайдеггер как раз и отверг в пользу онтологических.

Все предосторожности, которые Хайдеггер принял против сближения *Dasein* с «человеком», не помешали ему прямо отождествлять его... с немцем (а точнее, с коллективным германским началом) и петь немцу осанну, которой не всегда удавалось и само Бытие. Разве не должен был мыслитель, сподобившийся Бытию, оказаться выше пошлых национальных, государственных, этнических, расовых, региональных и прочих идентификаций? Хайдеггер не оказался выше. Сводится ли *вся* его проработка *Dasein* к этому? Исследователи ссылаются на переписку (с коллегой по факультету, искусствоведем и товарищем по партии Куртом Баухом), в которой Хайдеггер раскрывает декарты. В своих трудах он как бы прибегает к шифру, коду: *Dasein* означает у него «немца», а *Sein* (*Seyn*) — «народ». Но что он-де покуда это «умалчивает», ибо мышление состоит в умении вымолчать истину. Тут есть, конечно, изрядная доля совершенно неве-

роятной автомифологии. Даже если бы такая сознательная кодировка имела место, то после всего, что XX век сделал с понятием авторского замысла, было бы как-то почти неприлично сводить смысл чьего бы то ни было творчества (включая сюда и творчество философское) к задней мысли автора. И все же такая этнонационалистическая (то, что называлось *völkisch* на LTI, «языке Третьего рейха») саморедукция не может не бросать определенную фатальную тень не только на индивида, но и на философа Хайдеггера.

Что касается историко-философской *story* Хайдеггера, то она довольно простодушна и при всей своей безумной слаженности не очень убедительна. Она не может, но уж очень напрашивается быть сведенной к лозунгу: «Раньше было лучше». Весь наш человеческий, исторический путь — сплошная ошибка. Идя дальше, мы лишь погрязаем в ней. Но что это? Сегодняшние вдохновенные почитатели мэтра в лучшем случае читают доклады «Хайдеггер и современное искусство» в модных галереях, а в худшем — ведут группы поддержки опального властителя дум в виртуальном мире (по определению «лишенном корней») вместо того, чтобы, презрев ненавистную суету городов и нарциссизм сетей, вернуться к плугу, коромыслу и ко всей немудреной простоте сельского труда. Чем меньше Хайдеггер будет нужен философам следующих поколений, тем больше он будет манить их как горожан, лечащих свои урбанистские невроты дачей, шуршанием листвы и мечтами об уединении в глухом урочище или на еще более далеком маяке, без скверны компьютера и чумы мобильного, только с карандашом и черной коленкоровой тетрадкой. Что до «нужности» будущего для философов, то нам здесь, конечно, предугадать не дано: апеллируют же к хайдеггеровской критике модерна левые борцы с отчуждением и постколониалисты! Что-то же находят в хайдеггеровской критике техники Грэм Харман и другие деятели акторно-сетевой теории!

То же касается главной онтологической идеи Хайдеггера. Отнюдь не все сущие одинаково отвергаются им как налично-подручные, выдающие себя за бытие и пр. и пр. Если он безжалостно и не без определенной разрушительной (*Destruktion!*) радости разделяется с образованием, культурой и философией, то ощутимо болезненнее ему дается критика расовой идеи и национал-социализма. Здесь он буквально режет по живому и *собственному*. Позднейшим (в том числе современным) защитникам Хайдеггера эта его критика дала шанс выдать ревниво-обиженное брюзжание за *борьбу*. Но никакой борьбы не было, была

только досада на победивший «плохой нацизм» и проигравший, его нацизм — конечно же, хороший и даже замечательный. Приверженность нацистской идее, как и идее фюрера и фюрерства, у Хайдеггера абсолютно несомненна². Огорчил его только победивший извод, победившее сущее. Именно разочарование в национал-социализме произвело трещину в самой онтологической преданности Хайдеггера. Он приходит к безумному, но логичному выводу, что если нацизм и фюрер оказались не на высоте, то, может быть, червоточина была уже... в самом Бытии? При этом Бытие выступает своего рода Абсолютом, поскольку религиозно-теологические обертоны онтологического мышления Хайдеггером особо и не скрываются. «Забвение бытия» — это, конечно, и забвение нас бытием, богооставленность как богозабытость, оставленность-забытость нас Богом, очевидное следствие секуляризации и всего совокупного поношения бога христианства (с которым, впрочем, Хайдеггер рвет, насколько это возможно, все узы. Знаменитую фразу из интервью для «Шпигеля» нужно понимать не как «Только Бог может нас спасти», как это часто делается, а как «Только разве что какой-нибудь бог (*ein Gott*) может нас спасти»).

Теодицея перековывается им в онтодицею — в суд над Бытием. Хайдеггер неоднократно говорит о *Machenschaft des Seins*, «махиначии бытия», где родительный падеж, казалось бы, изначально должен толковаться как объективный (злые силы рационализма и еврейства манипулируют бытием). Но тотальность махиначии коварно проникает и запускает пагубу в самую суть сущности! Ей удается испортить, разложить самое Бытие! Хайдеггер конча-

2. Сегодня представляется, что доказывать это — значит ломиться в широко открытую дверь, особенно если не мечтаешь переубедить непреклонных. Достаточно почитать переписку братьев Мартина и Фрица Хайдеггеров, в которой Мартин обрабатывает брата, даря ему «Майн кампф», уговаривая не медлить со вступлением в партию и т. д. В письме к своей подруге и любовнице Элизабет Блохман от 19 сентября 1933 года Хайдеггер делится сомнениями относительно своей карьеры: стоит ли стремиться в Берлин, если открылась профессура в Мюнхене, городе, где легче получить доступ к Гитлеру (*Heidegger M. Reden und Zeugnisse eines Lebensweges (1910–1976) // Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000 (1975–). Bd. 16. S. 168*). Или взять его обращение к студентам (начало октября 1933 года), где он говорит: «Надо, чтобы не доктрины и „идеи“ были правилами вашего бытия. Сам вождь и только он один *есть* сегодняшняя и будущая немецкая действительность и ее закон» (*Ibid. S. 184*). «Черные тетради» добавили лишь некоторые «онтоисторические» штрихи к давно очевидной нацистской приверженности Хайдеггера и его антисемитизму.

ет тем, что говорит о «бытии как махинации», о «махинационной сущности самого бытия»³.

Меня такой поворот наводит не на философскую, а на литературную параллель. Герой относительно раннего рассказа Виктора Ерофеева «Болдинская осень» отправляется на природу, чтобы вдали от чужих глаз произвести тотальную переоценку ценностей и одновременно высвободить из-под гнета культурных запретов свой творческий потенциал. «Семья — говно», — фиксирует он в черной коленкоровой тетрадке (шучу: у Ерофеева «толстая записная книжка»). Идентичного вердикта удостоиваются последовательно бабы, родители, родина, Ленин... Апофеозом этого короткого восхождения к высотам свободы становится приговор «Бог — говно» с уточнением «Бог — самое большое говно». Нацизм, последняя надежда в юдоли безраздельной власти существа, оказался марионеткой в руках гигантской махинации (читай: евреев). Само Бытие предало Хайдеггера, ему осталось только надеяться — не для себя, для нас — разве что на какого-нибудь бога.

Мне представляется, что острота дебатов, подогретых публикацией «Черных тетрадей», свидетельствует прежде всего о загадочной ауре философии, которая не желает уступать ни пяди своего пьедестала. Откуда-то нами усвоена идея, что большой философ должен быть еще и «хорошим человеком»: заблуждение, составляющее значительную часть этой ауры. Но нет, большой философ может в чем-то быть и дурным человеком, а порой и очень-очень маленьким философом. Несмотря на колоссальные «метapolитические» понты, Хайдеггер был способен к уравнениям, позволившим Ханне Арендт попытаться оправдать его после войны, списывая все на его политическую наивность, этакий легкий дебилизм (или, если хотите, «эйхманизм»); я имею в виду уравнения типа техника = модернизм = демократия = торговля = махинация = еврейство = либерализм = большевизм или, скажем, Англия = Америка = Россия.

А что если Арендт не лукавила, чтобы помочь учителю скосить под простака? Что если она искренне его таковым считала? Наконец, что если она была права? Ведь если взять хайдеггеровские тезисы о том, что в концлагерях евреев постигло *самоуничтожение*, поскольку газовые камеры — это конечный продукт техники, а значит, и всей затеянной евреями же «махинации», или что аме-

3. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 364, 455, 465, 472.

риканцы через евреев создали нацизм, чтобы иметь повод уничтожить Германию, то приходится признать, что для формулировки этих тезисов мало просто подлости — требуется известная доля кренинизма. Я далек от того, чтобы винить его в этом. Эта бедная жертва самого пошлого рессентимента была способна намекать на то, что недостаток исторического чутья у Гуссерля объясняется его еврейством (ну действительно, откуда взяться историзму у народа Ветхого Завета?). Всю его университетскую жизнь его окружало плотное кольцо одаренных еврейских студентов (и студенток): ну *verdammmt* же *nochmal*, ну почему не укорененных в немецкой почве и, следственно, в Бытии добрых крестьянских или, на худой конец, бюргерских парней? И разве не жалко крошечного философа Хайдеггера, когда он плачется⁴, что немцы стали более неукорененными, более разрушительными, более еврейскими, чем евреи?

Имя «Хайдеггер» — это контингентный продукт того (уже навсегда ушедшего в прошлое) положения дел, когда студенты-философы узнавали о Хайдеггере (а потому и кое-что *от* Хайдеггера) до того, как выясняли, что он был страстным нацистом и убежденным антисемитом. Я совсем не уверен в том, что эта пилюля не испортила бы мне аппетит, как она будет портить его (или, наоборот, возбуждать у особо прихотливых гурманов) будущим поколениям читателей Хайдеггера — пока и нацизм, и антисемитизм не станут курьезными кунштюками далекого прошлого. Но *пока* — а это *пока* рискует затянуться — мы еще долго будем дивиться и возмущаться, как одно и то же имя может осенять и огромный философский талант, и безвкусное интеллектуальное убожество.

4. *Idem.* Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte, 1942–48) // Gesamtausgabe. Bd. 97. S. 20.

Библиография

- Heidegger M. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte, 1942–48) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2015. Bd. 97.
- Heidegger M. Reden und Zeugnisse eines Lebensweges (1910–1976) // Idem. Gesamtausgabe. Fr.a.M.: Klostermann, 2000. Bd. 16.
- Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. А. Б. Григорьева; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

LONG-AWAITED VERDICT

MICHAEL MAIATSKY. Research Fellow, Faculty of Humanities, mmaiatsky@gmail.com. University of Lausanne (UNIL), CH-1015 Lausanne, Switzerland.

Keywords: Heidegger controversy; ontology; gnoseologism; Nazism; antisemitism; anti-Semitism.

The author takes a personal approach to the debate surrounding the *Black Notebooks* by giving an account of what he owes to Heidegger and then considering how much of a shadow Heidegger's Nazism and anti-Semitism have cast on the following legacy:

- A. Heidegger radically revised the philosophical vocabulary;
- B. stipulated that one can philosophize only by starting with oneself (*Dasein*);
- C. that *Dasein* must be distinguished from the "human being;"
- D. that one should start from *Dasein* to achieve *Sein*, or Being, in order to be in it (not merely to *know* it);
- E. that focus on Being is necessary to avoid entrapment in any sort of mundane being;
- F. Heidegger tightly integrated his philosophy into the history of philosophy.

But each of these features has an associated weakness:

- a. Heidegger denigrates a Latinate vocabulary (vs. the "authentic" Greek) as conducive to modernist degradation;
- b. he sacralized his own *Dasein* so that he refused to acknowledge his errors;
- c. distinguished *Dasein* from the human being, but nevertheless identified *Dasein* with being German;
- d. and Being with the German people;
- e. only mildly criticized certain mundane beings, such as Nazism;
- f. and finally, his version of the history of philosophy amounts to the conservative stance that "it was better before."

Heidegger had been an unequivocal and enthusiastic supporter of Nazism, but the reality of Nazism when it (temporarily) came to power did not long suit him. Heidegger's disappointment with Nazism as experienced made him question Being itself: if Nazism and the *Führer* failed to meet his high expectations, was Being not corrupted by *Machenschaft* (perhaps by machinations of the Jews)? The author concludes that Heidegger's impact on philosophy will fade, although his vision of a pre-industrial utopia will increasingly appeal to urban masses exhausted by turmoil.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-3-1-11

References

- Heidegger M. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte, 1942–48). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Mein, Klostermann, 2015, Bd. 97.
- Heidegger M. *Razmyshleniia II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938)] (trans. A. B. Grigor'ev, ed. M. Maiatsky), Moscow, Gaidar Institute Press, 2016.
- Heidegger M. Reden und Zeugnisse eines Lebensweges (1910–1976). *Gesamtausgabe*, Frankfurt am Mein, Klostermann, 2000, Bd. 16.